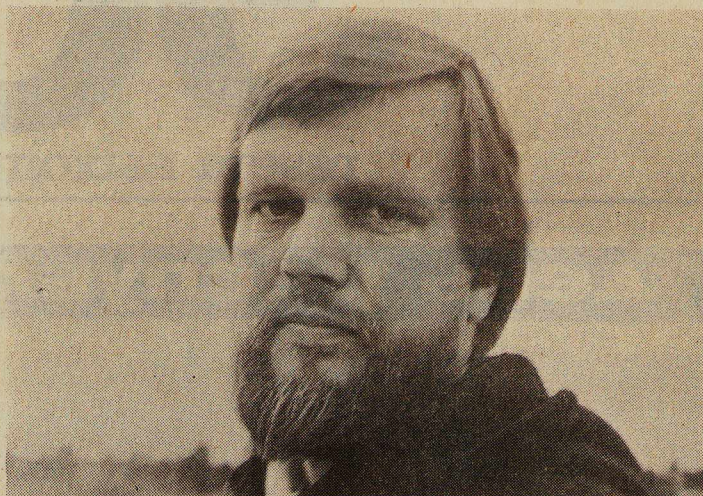

МДВ

ЧЕЛОВЕК ПО ТУ СТОРОНУ РАМПЫ

Одним из значительных событий в театральной жизни республики последнего времени стала постановка пьесы А. Дударева «Порог» на сцене театра «Угала». Осенью минувшего года этот спектакль был признан лучшим во время проходившего в Таллине фестиваля современной советской драматургии на эстонской сцене.

Роль Буслая в спектакле вильяндисцев, поставленном режиссером В. Гвоздковым, сыграл актер Государственного молодежного театра ЭССР Тыну ТЕПАНДИ.

Широкому кругу зрителей актер знаком также как автор и исполнитель собственных песен на слова известных эстонских поэтов.

— Начну не с Буслая, а с интересной, на мой взгляд, тенденции, наметившейся сегодня в работе вильяндисского театра, главный режиссер которого Яак Аллик не только охотно приглашает режиссеров «со стороны», но и актеров из других театров для участия в этих спектаклях. Достаточно вспомнить, например, «Игру в джин» с Лизл Линдау и Калье Кийском. Такой подход к делу дает многое и зрителям в небольшом городе, и тем, кто получает возможность поработать на лучшей, пожалуй, сегодня в своем техническом оснащении сценической площадке Эстонии. Не случайно в свое время авторы проекта нового здания «Угала» были удостоены Государственной премии республики.

С режиссером Вячеславом Гвоздковым, пригласившим нас с Калье Орро, еще одним актером Молодежного театра, сыграть в «Пороге» вильяндисцев роль Буслая, я встречался не впервые. Запомнилась работа с Гвоздковым в спектакле «Старый дом» А. Казанцева в нашем Молодежном театре.

Актеру обычно трудно объективно судить о режиссере, с которым его сводит судьба. Потому скажу только, что, на мой взгляд, Гвоздкову оказался близок и интересен тот театр, тот способ существования на сцене, который привлекает и меня. И еще хочется отметить отношение Гвоздкова к актеру, его умение получить от артиста то, что ему, режиссеру, требуется. Немалое значение здесь играет, наверное, то обстоятельство, что Гвоздков в свое время был сам актером, и потому как никто другой понимает природу нашего творчества.

Работу над ролью каждый актер обычно начинает посвоему. Я, к примеру, всегда очень доверяю первому впечатлению от роли, пьесы в целом. Потом оно может видоизмениться, исчезнуть даже, но если на финише длинного и сложного репетиционного процесса, иногда даже перед премьерой, я снова возвращаюсь к первому ощущению, то всегда рад тому, что интуиция не подвела.

Признаться, поначалу кое-что в «Пороге» показалось мне наивным, но в целом проблемы, поднятые Дударевым, не могли не заинтересовать.

Если бы, говоря о Буслае, мы имели в виду только пьющего человека, то и разговор в спектакле, наверное, получился бы иным. Но ведь с Буслаем все значительно сложнее. Он не просто пьющий человек. Он — беглец, и спрятаться хочет от жизни. А от нее разве убежишь, спрячешься? Но выбрав не самый лучший способ отношений с жизнью, Буслай при этом создает очень удобную для себя теорию «ожиревшего сердца», призванную прежде всего его, Буслая, оправдать. Перед самим собой оправдать, потому, что главные претензии предъявляют-ся им не к себе, а к другим.

Чем обычно кончается стремление прожить чужую жизнь, известно хорошо. Человек теряет себя, терпит моральный крах. Что с Буслаем и произошло. Драма Буслая как раз в том и заключается, что сама жизнь заставляет его усомниться в собственной правоте. Так возникает внутренний конфликт, после которого необходимо принять какое-то решение. Но сил уж нет, они потрачены впустую на неважное, фальшивое.

Нас с Гвоздковым интересовала именно эта тема, тема ответственности человека перед жизнью и перед самим собой. Надо жить свою жизнь, говорится в одном из стихотворений Айна Каалепа, для которого я сочинил музыку, надо жить свою жизнь и оставаться в ней человеком.

Сказать именно об этом нам хотелось совсем не случайно. Разве мало еще встречается людей, пусть внешне благополучных, не пьющих даже, находящихся иные способы закрыться от жизни с ее проблемами и теряющих при этом самое важное — возможность быть живущим человеком.

Конечно же, играя Буслая, я прежде всего высказываю свою, актерскую, человеческую точку зрения,

иначе зачем выходить на сцену, занимать время зрителей? Его и так не очень много. Но актер ведь не просто инструмент в руках режиссера, он интересен личным отношением к своему герою. Актер не судья и не прокурор, он не наказывает и не оправдывает. У него совсем другая профессия. И все же я всегда считал, что человеку на сцене под силу очень и очень многое в разговоре с зрителем, с тем, ради кого и существует театр. Актеру можно поверить, можно не верить. Но если тревога его и боль идут от собственного убеждения, он заставит задуматься и зрителя.

Мне трудно судить о том, как воспринимает зритель наш спектакль, как относится к сделанному нами. Каждый актер всегда очень чуток к дыханию зала, к отклику, которого ждет от тех, кто находится по ту сторону рамп. Когда я пою свои песни на концертах или творческих встречах, то для меня особенно важен тот импульс, который получаю от слушателей. И очень мучительно, когда ждешь, а его нет. Вроде бы все хорошо, слушают, кажется, внимательно, аплодисменты не из вежливости, а связи с залом не ощущаешь. То есть контакт какой-то формальный, не происходит обмена в том смысле, что я заряжаю чем-то важным зрителя, а он — меня. И не вина здесь зрителя. Моя вина. Значит, не так меня понимают, значит, не сумел достучаться. Но это уже другая тема...

Сказать, что я люблю Буслая, — значит покривить душой. Но я ему сочувствую, вернее, жалею. Мы расстаемся с Буслаем в нелегкое для него время. Его никто не узнает. Не узнает мать. Не узнает сын. И даже не верится, что выздоровление героя окончательно. И все же наш спектакль оставляет Буслаю надежду, оставляет ему возможность начать все сначала. И значит, жизнь для него не кончена. А какою ей быть в дальнейшем, зависит уже от самого Буслая. И еще от нас.